

АНАТОЛИЙ МАРКУША Я – СОЛДАТ, И ТЫ СОЛДАТ.

Из писем младшего сержанта А. Г. Пескова к брату Тиме Пескову

Здравствуй, брат Тима! Как видишь, слово своё я держу твёрдо: обещал написать тебе отдельно и пишу. А что не сразу прислал письмо, ты не удивляйся. Когда я только прибыл в часть, только переоделся в военную форму, только начал привыкать к новым порядкам, честно говоря, не до писем было.

Ты ведь, Тима, даже понятия не имеешь, что значит быть солдатом. Тебе кажется: надел на голову пилотку, нацепил на себя ремней побольше, вооружился автоматом, пистолетом, гранатой — и готово! Боец!

А на самом-то деле не так это просто.

За один раз я, конечно, про всё тебе рассказать не сумею, но понемногу в каждом письме буду описывать солдатскую жизнь, а ты мотай на ус. Пройдёт время, настанет твоя очередь служить в армии, очень тебе эти «усы» пригодятся.

Словом, у меня такое предложение: я — солдат и ты старайся быть солдатом. Договорились?

Кое-что я в письмах и рисовать буду, чтобы тебе веселее было в военных делах разбираться. А пока привет и лучшие пожелания...

Поёт труба. Дневальный кричит: «Подъём!», и начинается новый солдатский день. На то, чтобы вскочить с постели, одеться, обуться и встать в строй, нам дают ровно две минуты. И, между прочим, бабушки рядом нет, дедушка не уговаривает: «Вставай, миленький, поздно уже!» И мама с тебя одеяло не стаскивает.

Только успеешь подняться — бегом на улицу. А старшина уже командует: «На физзарядку становись!» Сначала я очень удивлялся: на дворе дождик крапает, ветер свистит или даже снег идёт, а физзарядку никто и не думает отменять. Теперь привык и не удивляюсь.

Зарядились — летим умываться. Если бы ты, Тима, послушал, как солдаты зубы чистят! Когда, брат, двести зубных щёток дружно, разом по зубам ширкают,— это же настоящая музыка! Это же, можно сказать, сводный оркестр!

Оглянуться не успеешь — время завтракать. И никто не спрашивает, есть у тебя аппетит или ещё нет, желательно тебе макароны получить или кашу и будешь ты кашу сахарить или так есть. Что на стол поставлено, тем и питайся. И поторапливайся: не управись вовремя — тебе же хуже: на голодный желудок очень даже тяжёлой солдатская служба покажется.

Сегодня воскресенье, времени у меня свободного больше, чем в обычные дни, могу написать подробнее.

Недавно был у нас в полку праздник. Отмечали день рождения части. Ты, конечно, слышал про парады и в кино видел. Вот и у нас сначала был парад. Стали мы все в строй. Перед строем вынесли боевое знамя. Командир сказал

речь, всех поздравил. Потом соревнования всякие проводились: по бегу, по прыжкам, по стрельбе.

Приехали к нам на праздник гости, и среди них Герой Советского Союза Иван Андреевич Попов. Мы о нём уже и раньше слышали. Он во время Отечественной войны служил в нашем полку и много геройских поступков совершил. Об одном он нам рассказал.

Как-то раз на его роту двинулось сразу десять танков. Иван Андреевич приказал солдатам притаиться и не стрелять. Всем, конечно, страшно: посиди-ка в окопе, когда на тебя танки лезут, и стреляют, и вот-вот гусеницами раздавят. Ну, солдаты глядят на своего ротного, а он привалился к стенке окопа и как ни в чём не бывало травинку кусает. Вроде бы даже улыбается.

А танки всё ближе и ближе. Кругом пыль, грохот...

Тут Иван Андреевич и говорит:

— Держись, ребята, трус сто раз помирает, а герой — только один!

Когда танки совсем уже близко подошли и казалось, вот сию минуту всех передавят, только тогда бросил ротный первую связку гранат. А за ним и все солдаты стали гранаты швырять. Восемь фашистских машин вспыхнули как свечки, а две еле-еле уползли.

Кто-то из наших ребят спросил у Ивана Андреевича, неужели ему не было страшно. И он так ответил:

— Конечно, было страшно. Тем более, что бой этот случился в самом начале войны, когда и я сам и мои солдаты не очень привыкли воевать. Но я знал, что танк вдаль гораздо опаснее, чем вблизи. Ведь когда танк рядом, водитель тебя толком не видит и наводчик тоже как следует разглядеть не может, потому что смотрит он через узкую щель. Это — раз. Теперь второе: граната может вывести танк из строя только с близкого расстояния, так что хочешь не хочешь, а приходилось подпускать противника почти что к самому носу. И никому, ребята, не верьте, что есть люди, которым в бою не бывает страшно. Все боятся. Только трусы дуреют, теряют голову, а смелые люди, настоящие солдаты, как бы страшно ни было, всё равно делают то, что надо делать.

Вот, Тимоша, какой человек разговаривал с нами на празднике.

Когда я в первый раз вошёл в казарму, то очень удивился: какой тут порядок! Нигде ни пылинки, ни соринки. Койки расставлены ровненько-ровненько. А шинели не просто на вешалке висят, а одна в одну заправлены. Подошёл я к пирамиде — там оружие хранится — и вижу: карабины стоят чинно, один к другому, как солдаты в строю.

Я тогда подумал: красиво! А для чего это нужно, понял не сразу.

Оказывается, такой порядок для того нужен, чтобы в случае боевой тревоги никто ничего не искал, не суетился попусту, не мешал друг другу, а мигом собрался и был готов к бою.

Только своей первой боевой тревоги я не сразу дождался. Сначала пришлось многому поучиться: помы мыть, дрова колоть, землю копать, картошку чистить, одежду чинить да стирать...

Некоторые ребята были недовольны, даже ворчать про себя начали: «Да кто мы, в конце концов, солдаты или домашние хозяйки?»

Но ведь всё это хозяйственное и правда надо уметь делать. Понял я это в первом же походе. Вот когда солдат сам себе и повар, и портной, и парикмахер, и сапожник. Врать не буду, сначала я от всех солдатских обязанностей очень уставал и к вечеру, бывало, еле-еле до койки добирался. А потом ничего — привык.

И ещё от чего мне сначала трудно было, так это от того, что не умел я по часам жить. А в армии всё по минутам расписано: и сон, и еда, и свободное время, и занятия, и бой, и караульная служба. Не зря о старом солдате говорят: разбуди его среди ночи, спроси, который час, — он тебе тут же ответит: «До подъёма, к примеру, четыре с половиной часа осталось». И не ошибётся.

Помню, когда я сов сем ещё маленьким был, всё думал: в армии генералов больше, чем солдат, и кругом ордена сияют, день и ночь оркестры гремят. На самом деле, конечно, не так, и первый генерал, которого я в армии увидел, смотрел на меня с портрета. То был русский полководец Суворов. Рядом с портретом на листе бумаги написаны были слова, которые он любил повторять: «Тяжело в учении — легко в бою». Точные слова, я теперь это по собственному опыту знаю. На первых занятиях после трёхкилометрового кросса я чуть не помирал, язык на плечо высывал, а теперь и пятнадцать километров могу пробежать. Вспотеть, конечно, вспотею, но упасть — не упаду.

Можешь меня поздравить, Тимофей Григорьевич, я от самого командующего благодарность получил. А в армии это считается очень большой честью.

Тебе, наверное, интересно, за что благодарность? Тогда слушай.

Дали нам с ефрейтором Баланчуком задание: установить на одной важной горюшке радиостанцию. Сделали всё, как полагается: наладили, проверили, двое суток на той горке отдежурили. А потом пришла смена. Передали мы другим солдатам радиостанцию, а сами пошли в часть.

Идти было недалеко — километров восемь. И всё бы ничего, да, как назло, начался дождик. Сначала моросило, а потом как припустит, ну самый настоящий ливень. В один момент мы до нитки вымокли. Но и это не беда. Хуже другое: дорога, а точнее сказать, тропинка, по которой мы спускались, сделалась до того скользкой, будто её киселём вымазали или мылом натёрли. Вот тут-то и случилась беда. Баланчук оступился. Я глазом моргнуть не успел, а он уже слетел с тропы и в кустах очутился. Полез я к нему на выручку. Смотрю, лежит Баланчук, еле дышит. Спрашиваю: «Ты живой?» Говорит: «Живой, только что-то с ногой случилось, разогнуть не могу». Ну, я поглядел, перелома вроде нет, скорее всего вывих. Что, думаю, делать?

Баланчук говорит: «Давай, Алёша, двигай в часть. Я полежу тут, пока ты помощь организуешь».

А какая может быть в таком положении помощь? Машина санитарная сюда не въедет. Ребят с носилками привести? Так сколько же это времени пройдёт, пока я туда-сюда обернусь! А дождь лупит холоднющий. Баланчук совсем застынуть может. Словом, принял я такое решение. «Хватайся за плечи, — говорю Баланчуку, — и держись крепче, буду тебя на дорогу спускать». Ташил я его до самой ночи. Честно сказать, под конец уж думал, сил не хватит. Только тем себя и подбадривал, что всё старался представить, как это девчонки- санитарки на войне по сорок раненых с поля боя выносили. И ведь не под дождём, а под огнём!

В конце концов доставил Баланчука в санитарную часть, сдал дежурному врачу с рук на руки и поплёлся в роту. А утром вызвал меня командир полка и велел рассказать, как дело было. Рассказал. Спрашивает:

— А почему вы за подмогой не побежали?

— По такому киселю, товарищ полковник, не побежишь, только ползти можно. И Сашку жалко было одного оставлять...

— Кого, кого? — переспросил полковник.

— Виноват, — говорю, — товарищ полковник, ефрейтора Баланчука.

Командир полка похвалил меня и отпустил. А через три дня нам перед строем приказ командующего читают: «За высокое чувство товарищества и образцовое выполнение служебного долга младшему сержанту Пескову Алексею Григорьевичу объявляю благодарность».

Вот так, Тимоха, дело было.

Трудно мне сказать, что в военной жизни самое важное. Но одно я знаю точно: если хочешь быть хорошим солдатом, обязательно учись метко стрелять. Хорошему стрелку глазомер нужен, твёрдая рука и долгая тренировка. У нас тут один паренёк служит, до армии он был чемпионом по стрельбе из лука. Так знаешь, как из автомата бьёт? Лучше всех в роте! Вот он и говорит: «Чтобы не быть мазилой, учись целиться на чём только возможно: на бильярде играй, камешки в мишень бросай, копьё меча — всё пригодится».

Раньше, когда я бывал в лесу, больше всего грибами и ягодами интересовался. Теперь — совсем другое дело. Иду по лесу и стараюсь запомнить: какое дерево на развилке дороги попало, на каком дереве ветка заломлена, какие следы у ручья отпечатались и куда этот ручей течёт, тихо в лесу или сороки гомонят... Лес, как книга, многое может рассказать, если ты, конечно, читать умеешь. А «читать лес» надо научиться, иначе пропадёшь в первой же разведке.

Напомни маме, что я просил купить тебе компас. И учись по компасу на местности ориентироваться. Маленькая компасная стрелочка, если ты с ней подружишься, никогда и нигде не даст заблудиться. А это очень важно — находить дорогу в метель, в туман, в самую глухую ночь. Когда дорогу знаешь, жить куда легче.

Недавно мы вместе с танкистами учение проводили. И попали ребята в такое положение: выскочили на танке к узкому овражку и — стоп! Дальше ходу нет. И что ж ты думаешь? Загнали в этот овражек одну машину — на тросах её спустили, брёвна через овраг перекинули, мигом переправились по этому самодельному мосту и пошли дальше. Вот что значит никогда не теряться.

Здравствуй, Тимоша! Хочу рассказать тебе ещё одну историю — как мне пришлось в разведку ходить.

Были у нас учения, но делали всё как в настоящем бою. Получил я задачу: разведать расположение танков противника. Взял я в напарники Савкина, солдата из нашего отделения. Шли лесом, пока не вышли к речке. И тут оказалось, что дела наши обстоят неважно. Почему? А потому, что наш берег низкий, а его, противника, берег высокий. И что на той стороне речки делается, совершенно не видно.

Лежу под кустом и думаю: «Как же быть?» И знаешь, придумал! Велел Савкину отползти назад, залезть на дерево и оттуда, с верхотуры, вести наблюдение за мной.

— А в случае чего, меня прикроешь, — сказал я.

— Есть прикрыть, — ответил Савкин. — Только я что-то не пойму, чего ты выдумал.

— Я переправлюсь на тот берег и попробую вон на ту кручу вылезти. Савкин даже засмеялся.

— Да ты только в воду войдёшь, тебя сразу и прихлопнут. Речка вся просматривается с высоты как на ладони.

Но у меня свой план был, и я сказал:

— Никто меня на речке не увидит. Главное, ты меня из виду не потеряй, а за противника не беспокойся.

Савкин плечами пожал, а я осторожно пополз к берегу. Дополз до камышей. Срезал камышину подлиннее, подул в неё. Порядок, воздух проходит! Взял камышину одним концом в рот и тихонечко скатился в воду. Ползу по дну, дышу через трубочку. Добрался я так до другого берега и сразу полез на кручу.

Вылез я на самую высокую точку и первым делом глянул в поле. Вижу, танковые следы. Так, думаю, следы есть, значит, и танки должны обнаружиться. Пригляделся повнимательнее, заметил: от главного следа один усик к скирде тянется и пропадает, другой — около следующей скирды обрывается. Ну, всё ясно! Не очень-то хитрая маскировочка. Видно, на высокий берег понадеялись.

Моментально забрался я на дерево и все свои наблюдения отсемафорил Савкину. А он по радио на командный пункт передал: так, мол, и так, танки в поле, спрятались под скирдами. Не прошло и пяти минут, как наши ракетчики залп подготовили. И танкам конец — полное уничтожение.

Хвалиться я не хочу, но всё-таки замечу: без ракет или снарядов танки не прикончишь, голыми руками их не возьмёшь, но и соображать в бою солдату тоже надо. Другой раз простая камышинка ох как пригодится!

Много времени у нас уходит на занятия по технике. Без техники в наше время никак нельзя.

В армии теперь куда ни глянь — машины: и автомобили, и тягачи, и вездеходы, и танки, и самоходные орудия, и ракетные установки, и строительные машины, и всё на колёсах, на гусеницах движется. А моторы у них какие! Другой мотор мог бы одну целую городскую электростанцию заменить. Вот какая сила! Только здесь, в армии, я по-настоящему понял, как хорошо, что я ещё в пятом классе велосипед разбирать научился.

Может быть, ты спросишь, при чём тут велосипед?

Отвечу: от велосипеда до мотоцикла — один шаг.

А там и до автомобиля близко.

Конечно, когда я про технику говорю, то не только о моторах думаю. А связь разве не техника? И если ничего в радио не смыслишь, какой ты солдат?

Ведь без радио армия как без ушей. Или возьми другое. Раньше за воздушными целями в бинокль наблюдали, а теперь для этого особые приборы есть — локаторы. Без локаторов армия как без глаз. И чтобы успеть за время службы узнать как можно больше, чтобы не остаться слепым и глухим, приходится всё время учиться.

Но свободное время у нас всё-таки имеется. Каждый его по-своему проводит.

Кто в хоровом кружке поёт, кто в драматическом играет. Есть при нашем клубе и другие кружки. В одних рисуют и лепят, в других строят модели и изобретают. Я больше всего люблю бывать в библиотеке. Мало я раньше читал, теперь стараюсь наверстать упущенное. Но почему-то получается, что я всё больше военные книги читаю.

Наверное, когда я домой вернусь, мне и сны будут военные сниться. Буду так во сне маскироваться, чтобы противник меня не видел, а я его — как на ладони; буду наблюдательные пункты сооружать: сегодня на дереве, а завтра под разбитым танком...

Душа у меня на военный лад повернулась. Может быть, я ещё и в военное училище поступлю, хотя точно пока не решил.

Давно уже, Тима, хотел я тебе про одного человека рассказать, да всё откладывал. Теперь вот собрался.

Служит в нашем полку старшина-сверхсрочник Фёдор Пантелеевич Половцев. Тридцать лет служит. Очень его в полку уважают. А рассказчик какой! Я просто не знаю у нас такого солдата или офицера, который бы не любил послушать Фёдора Пантелеевича. Историй у него — тьма! Вот одну из них я и собираюсь тебе рассказать в этом письме.

Дело это давнее. На войне оно случилось. Полку дан был приказ прорвать оборону противника. А все подходы к переднему краю заминированы. Как быть? Если в лоб атаковать, «на ура» идти, — потери большие обязательно будут. Обойти противника с фланга — хорошо бы, да местность не позволяет: болота кругом и никакой мороз их не берёт, не промерзают.

Ломали головы и командир полка, и командиры батальонов — ничего не могли придумать.

И тут является в штаб ефрейтор Черкасов. Так, мол, и так, разрешите доложить. Имею план. Ну, старшие начальники не возражают: говори, мол, чего ты там такое придумал. А как услышали, что он придумал, только руками развели — вот это да! Вот это номер!

Чего ж этот дотошный Черкасов выдумал?

Ночью пробрался он к проволочному заграждению противника и тихонечко, осторожненько, чтобы ничего не брякнуло, не громыхнуло, не тренькнуло невзначай, навешал на проволоку всякой дряни: бутылки там пустые, банки консервные, гильзы стреляные. Навешал, привязал к проволоке трос (он его, между прочим, со сбитого самолёта заранее снял) и, как ящерица, отполз в воронку. Полежал там, отдышался да как начал за трос дёргать!

Ну, тут весь передний край и загремел, затренькал на разные голоса.

Дело ночное. Засевший на своих позициях противник ничего со сна не разобрал и решил, что наши на пролом пошли. Вызвал на подмогу артиллерию. Дали их пушканы огонёк, так что собственные минные поля перепахали. А нам только это и нужно было. Десять минут всего прошло, открылись проходы через минные заграждения, и тут-то полк наш пошёл в атаку. Так и захватили тот рубеж.

И заканчивает эту историю Фёдор Пантелеевич всегда так:

— С одной стороны минное поле, пушки противника, местность, неудобная для атаки. А с другой стороны что? С другой — хитрость солдатская. Я лично не против техники, но советую всем помнить: удивил — победил! Это кто сказал?

И старшина Половцев бывает очень доволен, когда все мы дружно кричим в ответ: «Су-во-ров!»

В армии я с самого первого дня слышу: «Умри, а приказ выполни!»

Начальник я небольшой, всего только командир отделения, но тоже имею право своим подчинённым приказы отдавать и обязан каждому солдату внушить: не важных приказов не бывает.

Каждый приказ — закон. И выполнять его следует быстро, точно, с душой. Раньше я совсем не думал над тем, каким должен быть солдат. Теперь приходится об этом думать. Спрашиваю себя и отвечаю:

во-первых, дисциплинированным, во-вторых, сильным. в-третьих, сообразительным, в-четвёртых, грамотным, в-пятых, умелым...

Боюсь, не хватит даже целой тетрадки, чтобы перечислить все качества хорошего солдата. Но, пожалуй, всего важнее быть солдату исполнительным: сказано — сделано. Без этого нет армии.

На днях у нас в полку неприятность случилась. Одному солдату из соседней роты командир перед строем выговор объявил.

Спросишь, за что? За длинный язык.

Был этот солдат в городе, в увольнении. Разговорился там про то, про что говорить вовсе не полагается. Вот и досталось ему.

И правильно: военный секрет, перестав быть секретом, может тысячам людей жизни стоить. Вот и выходит: болтун — находка для врага.

Да, многому меня армия научила. Должен тебе прямо сказать: нелегко военная наука даётся, но сидит она в человеке крепко.

Понял я: солдат может устать, солдат может чего-то не уметь, солдат может и ошибаться. Товарищи помогут, командиры научат. Всё это не страшно или не очень страшно.

А что же страшно? Страшно, когда солдат перед врагом руки поднимает.

Есть святой армейский закон: умри, но не сдавайся.

Только что, Тима, я вернулся из караула и теперь по всем законам, уставам, наставлениям и правилам могу отдыхать.

Воспользуюсь этим случаем и напишу тебе очередное письмо.

Сегодня я стоял на самом почётном посту в карауле, на посту № 1. У полкового знамени.

Полк у нас гвардейский, и знамя — как у всех гвардейских частей нашей армии: на алом бархате портрет Ленина вышит и золотом вытканы слова:

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

Ты знаешь, Тима, что такое полковое знамя? Думаешь, просто бархатное полотнище с золотым шитьём? Нет, брат, не просто.

Когда в первый год войны наш полк попал в окружение, он потерял почти всех солдат и командиров. Но знамя удалось спасти и сохранить. Под это знамя встали новые солдаты и командиры, чтобы воевать вместо погибших.

Пусть из полка останется в живых хотя бы один человек, но если он сумеет сохранить знамя, полк продолжает существовать. Таков закон.

Сегодня у нас в полку нет ни одного человека, который бы столько видел, столько пережил, столько навоевал, сколько наше знамя.

Когда в боях под Харьковом на каждого нашего бойца приходилось не меньше пяти фашистов и на обессилевшие роты поползли тяжёлые танки противника, когда казалось, вот сейчас, вот сию минуту всё будет кончено, командир полка Герой Советского Союза подполковник Голованов скомандовал:

— Знамя вперёд!

И люди пошли за знаменем и совершили невозможное: не только удержали свой рубеж, но даже потеснили фашистов.

В этом бою наше знамя было ранено, но осталось в строю. Оно никогда не покидало строя.

В одном из боёв знаменосец старший сержант Мамедов упал, сражённый автоматной очередью. Покачнулось знамя, наклонилось к земле, но тут же его подхватил старшина Половцев. И хотя он был ранен, но знамени из рук не выпустил.

И дошло знамя нашего полка до самого Берлина. А потом вернулось домой.

Ночью, когда я стоял на посту №1 и думал про тебя, Тимоша, я решил: обязательно напишу тебе про знамя. Чтобы всегда помнил: знамя — это честь полка, а честь надо беречь каждому.

Будь солдатом, Тимоша!